

человѣческую красоту. И степенная, старого за-вѣта, благостная Акулина, та, которая мало говорить, но больше дѣлаетъ—хлѣбъ отрѣзаетъ, голоднаго кормитъ,—Акулина лучше всѣхъ выражаетъ мысль Толстого, когда вслѣдъ заплакавшему Проходжему замѣчаетъ: „тоже человѣкъ былъ“. Но кто человѣкъ былъ, тотъ имъ и остался. Этому, безъ дидактики, художественно учитъ Толстой. Идетъ отъ него токъ умиленія, правды, душевной красоты. Оправданіе человѣческое,—это, конечно, больше всякой религіи. Теодицея человѣка нужнѣе, чѣмъ теодицея Бога, и въ первой уже заключается по-слѣдняя.

Не та ли же идея смотрить на нась и со стра-ницъ „Отца Сергія“? И не происходитъ ли и тамъ крушеніе жизни ослабленной, обезкровленной, передъ жизнью дѣйственной,—все равно, торжествуетъ ли послѣдняя въ буйномъ цвѣтеніи инстинктовъ или въ тихомъ подвигѣ жалости и содѣйствія?

Въ „Отцѣ Сергія“ толстовскій натурализмъ еще разъ убѣдилъ, какъ могучая власть весны, какъ не-отразима и права природа. Опять играютъ краски, переливаетъ кровь, и все, къ чему ни прикоснется рука Толстого, его животворящая десница,—все этимъ навѣки исторгается изъ небытія. Человѣческія однодневки, мимолетное и незамѣтное, пылинки, видимыя только въ лучахъ солнца, отъ солнечной моціи Толстого получаютъ дыханіе, имя, личность. Усердствующій купецъ, напримѣръ, тотъ, который